

Кошкарот Анатолій Геннадьевич

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОСЛАВНУЮ ТРАДИЦИЮ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1940-Х – 1980-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Статья посвящена проблеме выживания религиозной культуры в советском обществе. В ней, на примере Юга Западной Сибири, рассматриваются механизмы влияния государства на православную традицию. Автор приходит к выводу, что в послевоенные десятилетия со стороны государственных структур проводилась целенаправленная политика очернения Церкви в глазах верующих, искоренения религиозного чувства, возродившегося в советском обществе в годы Великой Отечественной войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 81-84. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.9

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблеме выживания религиозной культуры в советском обществе. В ней, на примере Юга Западной Сибири, рассматриваются механизмы влияния государства на православную традицию. Автор приходит к выводу, что в послевоенные десятилетия со стороны государственных структур проводилась целенаправленная политика очернения Церкви в глазах верующих, искоренения религиозного чувства, возродившегося в советском обществе в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова и фразы: культура; свобода совести; религия; традиция; репрессии; Церковь; государство.

Кошкарлов Анатолий Геннадьевич

Кузбасская государственная педагогическая академия

koshkaroff@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОСЛАВНУЮ ТРАДИЦИЮ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1940-Х – 1980-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)[©]

Процесс взаимоотношений между Церковью и государством в СССР на протяжении 1940-х – 1980-х гг. включал в себя как периоды сотрудничества, так и конфронтации. В 1945 г. после смерти Патриарха Сергия (Страгородского) патриаршую кафедру занял Алексей (Симанский). Краткое «Положение об управлении Русской Православной Церковью», принятое в 1945 г., заменило развернутые определения Собора 1917-1918 гг., касавшиеся инстанций церковной власти. По новому «Положению» устанавливалась иерархическая церковная структура управления. Полномочия Патриарха, епархиальных архиереев и настоятелей приходов стали более широкими.

Определение Священного Собора РПЦ о её правовом положении от 2 декабря 1917 г. устанавливало отношения Церкви и советского государства. Четвертый пункт определения гласил: «Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью» [9, с. 367]. Пятый пункт продолжает: «Церковная иерархия и церковные установления признаются государством в силе и значении, какие им преданы церковными постановлениями» [Там же]. Шестой пункт: «Действия органов Православной Церкви подлежат наблюдению государственной власти лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке» [Там же].

Первое смягчение после периода репрессий 1930-х гг. произошло, благодаря историческому эпизоду 1943 г., когда три первоиерарха РПЦ побывали на приеме у И. В. Сталина. После этой встречи в города Западной Сибири был разослан правительственный документ, в котором отмечалось, что Церковь «еще перед войной, и особенно в ходе Великой Отечественной войны, заняла патриотическую позицию, существенно изменив свое отношение к Советской власти. В связи с этим правительство разрешает открытие некоторых церквей <...> и регистрацию религиозных общин» [2, д. 12, л. 3].

Однако для открытия храма в сибирском городе нужно было хорошо потрудиться. Во-первых, необходимо было подать приблизительно «11 ходатайств <...> Уполномоченному совету <...> – 3, в Совет по делам Русской Православной Церкви <...> – 4 и в Московскую Патриархию – 4» [6, д. 752, л. 67]. Это не считая личных встреч ходатайствующих с уполномоченными советом и другими ответственными «товарищами». Во-вторых, после одобрений всех перечисленных инстанций документы подавались для утверждения Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР.

31 января 1945 г. прошел Поместный Собор РПЦ, который принял «Положение об управлении Русской Православной Церковью». Настоятель избирался председателем, а старосту выбирали приходским советом. «Ревизионная комиссия, состоящая из четырех человек, должна была осуществлять ревизии имущества и денежных сумм, наблюдать за церковным имуществом» [13, с. 152]. Советом по делам Русской Православной Церкви в сибирские епархии был разослан формуляр, регламентирующий оказание содействия религиозным представителям [2, д. 12, л. 1].

После завершения Великой Отечественной войны отношение государства к Церкви ухудшилось [13, с. 152]. Появились постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». В городах Западной Сибири партийными властями ставилась задача: признавая за гражданами свободу совести, повысить их сознательность, которая должна повлечь за собой «полное отмирание религиозных предрассудков» [7, д. 18, л. 35].

Несмотря на усиливающееся давление, в сибирские храмы продолжали приходиться распоряжения из Патриархии о поминовении властей и «нашей победоносной армии». Эти распоряжения выполнялись формально и минимально. Священнослужители отдавали себе отчет в том, что молятся о властях «коммунистических, богоборческих и безбожных» [Там же, д. 35, л. 112]. Более того, позволяли себе искренне «подчеркнутые моления о заключенных в лагерях, умерших там» [Там же].

16 марта 1961 г. Совмин СССР принял дискриминационное постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Новый председатель Совета по делам религий В. А. Куроедов указал на необходимость «церковных реформ» для пересмотра «Положения об управлении Русской Православной Церковью» 1945 г. В 1961 г. обкомами совместно с местными комсомольскими ячейками были организованы лектории по атеизму, на которых выступали преподаватели кафедр общественных наук, сотрудники КГБ и бывшие верующие [4, с. 63].

Архивные документы свидетельствуют, что в городах Юга Западной Сибири до постановления 1961 г. настоятель мог позволить себе отстранить «двадцатку» и старосту церкви от управления делами [6, д. 763, л. 60], после уже староста наделялся аналогичными полномочиями. Староста мог поставить священника на «место»: «Я староста, всё будет по моему» [7, д. 91, л. 186]. Стало возможным увольнение священнослужителя на «основании донесения местного церковного совета» [6, д. 765, л. 252]. Со священником заключался договор, который жестко регламентировал обязанности по исполнению религиозных треб, а клирики не допускались на приходские собрания [3, с. 288]. Настоятелю прихода поручалось лишь «духовное руководство» [5, с. 33], наблюдение за дисциплиной причта и благолепием богослужения.

Хрущевское отношение к религии не было похоже на отношение большевиков к Церкви в 1920-х гг. Вместо террора, повальных арестов священнослужителей, тотального закрытия церквей стали использоваться более «гуманные» способы влияния и дискредитации церковнослужителей. Борьба с религией стала «не административными мерами, а путем пропаганды просвещения» [7, д. 18, л. 35]. Подчеркивалось, что борьба с религией требует внимания, постоянства, чуткости и «научного подхода к разрешению всей проблемы... учреждения <...> и <...> организации пользуются в этом деле своими специфическими методами, которые следует совершенствовать и развивать» [Там же, л. 176]. Одни организации религии противопоставили «советские обряды» [2, д. 74, л. 29], другие, «совершенствуя и развивая свои методы», начали проводить обыски у верующих с целью обнаружения «нелегальной литературы» [Там же, д. 147, л. 18].

Способы устранения церковного влияния носили ярко выраженный дискриминационный характер. Например, при крещении требовались паспорта родителей, чтобы «проработать» их на собраниях трудовых коллективов. Озлобленные родители давали оценку всей Церкви. Называли «священников <...> иудами и предателями» [7, д. 91, л. 138-139]. Властей при выборе священнослужителя на городской приход интересовали следующие моменты: клирик должен иметь одну или несколько вредных привычек, чтобы его можно потом было с позором уволить за «неблаговидные поступки (пьянство, разврат <...>)» [6, д. 763, л. 136]. Иметь неопрятный вид и дурные манеры, но при этом он должен быть готов работать с советскими контролирующими органами. Для властей это идеальный образец пастыря на служение в городском храме, к тому же, благодаря дурной репутации священника, храм при случае можно закрыть относительно спокойно, без противостояний.

В 1970-х гг. храмы продолжали закрывать. После воскресной службы прихожане расходились по домам, а возле храма собирались человек двести коммунистов и комсомольцев [12, с. 24]. Ломали окна, двери, грузили на автомобили ценности и утварь и отвозили их в музей [8, с. 70]. Не брезговали они и проявлением открытого кощунства. Например, комсомольцы могли внести обнаженную девушку в церковь и водрузить ее на Престол [Там же, с. 67].

В городах Юга Западной Сибири во время больших церковных праздников комсомольцы блокировали вход в церковь, стараясь сорвать богослужение [11, с. 170]. Они готовы были буквально «бить верующих камнями», лишь бы не пустить в храм [7, д. 81, л. 25]. Были случаи, когда для закрытия церкви городской архитектурный отдел утверждал прокладку железной дороги через территорию храма [6, д. 763, л. 115, 135-136], или райисполком принимал решение демонтировать церковное здание для «добраго дела»: использовать освободившееся место для строительства детского дома [7, д. 14, л. 37].

На Юге Западной Сибири были созданы комиссии по «соблюдению законодательства по религиозным культам» [2, д. 147, л. 18]. Они отвечали за усиление контроля в сфере исполнения религиозного законодательства и за содержанием проповедей. Отслеживали священников, которые служили без регистрации, боролись с «нищими на паперти», проверяли у них документы и при необходимости сопровождали в отделения милиции. Кроме того, изучали отчеты о крещениях и оповещали трудовые коллективы о «предрассудках» некоторых их членов, организовывали проверки «по вопросу противопожарной безопасности» [Там же]. Власти применяли по отношению к духовенству давление, при возможности склоняя его к сотрудничеству. Практика «вербовки» духовенства распространялась и на низшие слои церковной структуры. Повсеместно к сотрудничеству склоняли служащих в Церкви мирян: «алтарников», певчих, членов двадцаток, сторожей, уборщиц и т.д. [14].

Таким образом, появилась возможность для проникновения в церковное управление проходимцев, агентов государственных структур и сектантов. Автору статьи довелось изучить немало архивных документов, проливающих свет на особенности существования религии того времени, где очень подробно описывались места проведения религиозных собраний, несанкционированное проведение треб и иных религиозных действий, фамилии и имена исполнителей и заказчиков, вплоть до информации о частных болезнях и интимной жизни духовенства [7, д. 7, л. 108-109]. Сведения такого рода могли быть известны только от людей, приближенных к церковной среде.

Миряне-управленцы могли дисциплинировать и подталкивать к действиям неисполнительных государственных чиновников. С помощью таких «мирян» начальство из центра контролировало своих коллег на периферии, при случае давая понять, что им известно, что «законодательство о религиозных культах нарушали

и должностные лица местных органов государственного управления» [1, д. 58, л. 26-27]. По словам клирика Михайло-Архангельского храма г. Новокузнецка протодиакона А. Вылегжанина, сотрудники КГБ вызывали священнослужителей и просили расписаться на чистом листе бумаги якобы для сверки почерка и подписи. Утром выходила «покаянная» статья в прессе о том, как священник отказался от Бога. Это приводило к тому, что верующие не пускали священника на порог церкви.

Финансовое обеспечение духовенства в городах Юга Западной Сибири до прихода к власти Н. С. Хрущева было на высоком уровне. Затем ситуация резко изменилась, так как фискальные органы усилили контроль за церковными средствами. Финансовая сторона поддерживалась кружечным сбором. «Кружку» делили клирики между собой, собирались все вместе, считали и делили. Власть о доходах узнавала из амбарной книги, куда прописывались посчитанные суммы. В неделю примерно выходило от 5000 до 7000 рублей. На приезд архиерея настоятель готовил в дар «Владыке и его окружению» от 5000 рублей [6, д. 765, л. 75]. Такие пожертвования были до 1960-х гг. После денежной реформы 1961 г. всех обязали перейти на зарплату, с которой выплачивался налог государству. В этом же году настоятель городского храма ещё мог себе позволить содержать домашнюю работницу, чтобы «кубировать комнаты, <...> в отсутствие родителей присматривать за ребенком; иногда закупать продукты и выполнять прочие работы» и платить ей по 20 рублей новыми деньгами ежемесячно [7, д. 81, л. 13].

Протоиерей В. И. Буглаков утверждает, что во время хрущевского правления он получал 400 рублей, из которых обязан был каждый месяц половину суммы относить в кассу и сдавать государству. Государство собирало сведения о заработной плате духовенства и в целях антирелигиозной пропаганды использовало эти сведения в виде огласки. Из справок получалось, что священник не отдает половину, а оставляет её себе. Районный финансовый отдел начислял налог за «Радоницу» как за обычную службу (в этот праздник доход Церкви во много раз превосходил доход в обычные дни в году) и фиксировал этот налог как образец для уплаты государству на каждый месяц года [6, д. 765, л. 233]. Больные и нетрудоспособные священнослужители не освобождались от выплаты государству подоходного налога [Там же, л. 217].

Государство зорко следило за тем, чтобы ведение церковного хозяйства осуществлялось в соответствии с советским законодательством. На местах эта установка трактовалась как запрет продавать и отпускать со складов для церкви стройматериалы и другие необходимые товары. Оставалось одно – договариваться с кладовщиками, прорабами, шоферами и другими людьми разных профессий, имеющими доступ к распределению строительных материалов. В целях «своевременного реагирования на факты нарушения советского законодательства» [1, д. 58, л. 26-27] представители власти на местах, отправляя соответствующие уведомления в финансовые органы [Там же, д. 63, л. 14], работали над тем, чтобы инкриминировать священнослужителям финансовые преступления.

В тех случаях, когда представителям власти становилось известно, что в приходе появляются возможности для дополнительного ремонта храма или расширения церковной ограды, включался механизм блокирования инициативы. Например, члены церковного совета ставили в известность уполномоченного по делам религии о том, что трудные предписания райисполкома удовлетворены, «строения, угрожающие молитвенному дому в пожарном отношении, согласно указанию городской пожарной охраны, отнесены; дорога для подъезда к молитвенному дому в случае пожара обеспечена; устроен при молитвенном доме водоем в 75 кубов воды; вся занимаемая территория обнесена оградой; насажено в ограде более 150 деревьев» [Там же, д. 58, л. 36-37]. Только есть просьба для увеличения алтаря на заготовленный фундамент сделать своими силами надстройку [Там же]. Однако попытка расширить алтарь была истолкована как «бесчинство» и «хулиганское» поведение. «Настоятель Виноградов бесчинствует на территории <...> церкви, ломает ограду, замки и своими действиями вызывает возмущение верующих», – жаловался в письме в Совет по делам религиозных культов при Совете министров уполномоченный верующих В. С. Чеботников [Там же, л. 59]. В. С. Чеботников требовал возбудить против священника Виноградова уголовное дело. В итоге Виноградова сняли с регистрации. О дальнейшей его судьбе нам ничего неизвестно.

После отставки Н. С. Хрущева политика по отношению к Церкви стала более умеренной. Массовое закрытие религиозных общин и православных церквей почти прекратилось. Но церкви, закрытые в годы хрущевских гонений, не были возвращены верующим. Высокомерное отношение к священнослужителям сохранялось в послехрущевское и послебрежневское время. Даже во время горбачевской перестройки с духовенством вели себя пренебрежительно. Примером этому служит распоряжение епископа Гедеона клирику Никольской церкви г. Новокузнецка протоиерею Вячеславу Дылевскому от 29 февраля 1988 г.: «Учитывая беспрецедентный случай в моей практике – Вас, настоятеля храма, уволил церковный совет и снял с регистрации Б. В. Кирпиков – я вынужден освободить Вас от занимаемой должности, хотя к Вам никаких претензий не имею. О своем дальнейшем трудоустройстве позаботьтесь, батюшка, сами, т.к. я не знаю причины Вашего увольнения. Митрополит Гедеон» [10].

Таким образом, смягчение политики советского государства по отношению к Церкви и верующим, наблюдавшееся в период Великой Отечественной войны, оказалось вынужденным и временным. В послевоенные десятилетия, особенно в годы правления Н. С. Хрущева, власть старалась дискредитировать Церковь и православное духовенство в глазах советских граждан посредством пропаганды нелюбимого образа священника, проведения комсомольских антирелигиозных акций, обвинений в расхищении социалистической собственности и финансовых махинациях. Доказательством этому служат многочисленные факты пренебрежительного, порой кощунственного отношения к духовенству и чувствам верующих со стороны партийных органов в городах Юга Западной Сибири.

Список литературы

1. Государственное казенное учреждение Кемеровской области «Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке». Ф. 1. Оп. 4.
2. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1418. Оп. 1.
3. Журавский А. В. Приход в Русской Православной Церкви XX в. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М.: Русь, 2000. С. 276-294.
4. Иошкин М. В. Атеистическая деятельность комсомола Тамбовской области в 1960-1961 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 1. С. 63-64.
5. Казем-Бек А. Русская Православная Церковь в 1961 году // Журнал Московской Патриархии. 1962. № 1. С. 27-42.
6. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ «ГААК»). Ф. Р-834. Оп. 4.
7. КГКУ «ГААК». Ф. Р-1692. Оп. 1.
8. Кривошеин В. А. Две встречи: Митрополит Николай (Ярушевич) и Митрополит Никодим (Ротов). М.: Сатис, 2003. 224 с.
9. Николин А. А. Церковь и государство (история правовых отношений). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997. 429 с.
10. Семейная история Дылевских / записал А. Г. Кошкар. Новокузнецк, 2006.
11. Слезин А. А. Тайные методы борьбы с религией в Тамбовской области на рубеже 1950-1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 2. С. 169-172.
12. Слезин А. А., Беляев А. А. Провинциальный комсомол в системе взаимоотношений советского государства и Русской православной церкви (1940-е – начало 1960-х гг.) // Политика и общество. 2010. № 1. С. 22-29.
13. Цыпин В. А. РПЦ в новейший период. 1917-1999 гг. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М.: Русь, 2000. С. 134-178.
14. Якунин Г. П. Подлинный лик московской патриархии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t41876.html> (дата обращения: 18.06.11).

**STATE INFLUENCE ON ORTHODOX TRADITION IN SOVIET SOCIETY OF THE 1940-1980S
(BY EXAMPLE OF SOUTH OF WESTERN SIBERIA)**

Koshkarov Anatolii Gennad'evich
Kuzbas State Pedagogical Academy
koshkaroff@mail.ru

The article is devoted to the problem of religious culture survival in the soviet society, and by the example of the South of Western Siberia describes the mechanisms of the state influence on the Orthodox tradition. The author comes to the conclusion that during postwar decades state structures conducted the deliberate policy of the Church fouling in believers' eyes, and the eradication of religious feeling that had revived in the soviet society during the Great Patriotic War.

Key words and phrases: culture; freedom of conscience; religion; tradition; repressions; Church; state.

УДК 34.01

Юридические науки

Статья посвящена анализу творческого наследия Александра Львовича Блока – талантливого ученого-государствоведа, профессора и декана юридического факультета Императорского Варшавского университета, философа, основоположника варшавской школы социологического позитивизма в российском дореволюционном государствоведении, отца русского поэта А. А. Блока. В работе исследуются взгляды А. Л. Блока на государство и право, особенностью которых явилась попытка дать им социально-политическое объяснение, определить роль социальных факторов в формировании политической организации власти.

Ключевые слова и фразы: А. Л. Блок; государствоведение; социологический позитивизм; научная школа; государство; право; политика.

Кравченко Екатерина Сергеевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
gerjahovka@yandex.ru

**ВКЛАД А. Л. БЛОКА В РАЗВИТИЕ ШКОЛЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА
В РУССКОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ[©]**

В прошлом году исполнилось 160 лет со дня рождения Александра Львовича Блока (1852-1909) – талантливого ученого-государствоведа, профессора и декана юридического факультета Императорского Варшавского университета, философа, человека «аристотелевской эрудиции», отца русского поэта А. А. Блока.